

352 . " , 2006.

[Stable URL: <http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3237>]

[. . . 2008: : . . .]
" , 2006. 352 . // Cursor Mundi:
( ). .1. , 169-180.

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Сидоров А. И. ОТЗВУК НАСТОЯЩЕГО. ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ЭПОХУ КАРОЛИНГСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. 352 с.

Культура Каролингского Возрождения, несмотря на вполне определенный интерес к ней отечественной гуманитарной науки, по большей части остается явлением мало изученным. По крайней мере трудно вспомнить хоть один обобщающий труд, в котором бы давалась целостная оценка своеобразию Каролингского Ренессанса и его вкладу в развитие средневековой западноевропейской культуры. В этом отношении появление монографического исследования А. И. Сидорова, посвященного исторической мысли эпохи Каролингов, представляется более чем своевременным и актуальным. Почему именно историческая мысль? Наверное, дело не только в профессиональном интересе конкретного исследователя, в силу принадлежности к определенной научной школе выбирающего из массива вопросов наиболее для него интересные. Также и не в том, что в последние годы проблема средневековой исторической мысли, историописания, исторической памяти все более притягивает внимание ученых-гуманитариев, в том числе и медиевистов: так, только в

2006 и 2007 гг. увидело свет несколько книг, так или иначе призванных удовлетворить интерес профессионального и непрофессионального читателя к исторической литературе и проблемам исторического сознания средневековья¹. Дело скорее всего в том, что исторические сочинения древности и средних веков несут в себе и отражают наиболее существенные элементы сознания эпохи своих авторов. Изучение их позволяет судить о существовавших в период их создания идей и суждений относительно не только прошлого, но и настоящего, относительно сил, действующих в мире вообще и в социальном мире в частности. Анализ средневековых исторических сочинений позволяет понять, как средневековый историк объяснял взаимосвязь исторических событий, как формировались исторические мифы, становящиеся частью общественного сознания, как само это общественное сознание прорывалось в письменную культуру. Каролингская историо-

---

¹ В качестве примера приведу лишь коллективную монографию, выпущенную под редакцией Л. П. Репиной (История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006), и публикацию в издательстве РОССПЭН произведений церковных историков (Церковные историки IV–V веков. М., 2007).

графия, как зеркало, отражает уникальность культуры Каролингского Возрождения, сочетание в ней светской и сакральной сторон, ее ориентацию на античные образцы и в то же время обращение злободневным проблемам рах christiana.

Характеризуя монографию в целом, следует в первую очередь сказать, что рецензируемый текст является своего рода подведением итога многолетней кропотливой работы его автора по изучению историков Каролингского Возрождения. Оформлению выводов в монографию предшествовал выход подготовленного А. И. Сидоровым сборника текстов «Историки эпохи Каролингов» (М., РОССПЭН, 1999), в котором опубликована среди прочих сочинений переведенная А. И. Сидоровым «История» Нитхарда. В 2003 г. увидело свет отдельное издание «Деяний императора Людовика» Тегана, также подготовленное автором рецензируемой монографии (СПб., «Алетейя», 2003 г.). Сама монография в качестве приложения содержит еще один перевод малоизвестного, но от этого не менее интересного и важного сочинения – «Деяний мецских епископов» Павла Диакона (с. 283–303).

Рассмотрение каролингской историографии в монографии построено на последовательном анализе «Деяний мецских епископов» Павла Диакона, «Жизни Карла Великого» Эйнхарда и «Жизни Людовика Благочестивого» Анонима

Астронома, «Деяний императора Людовика» Тегана Трирского, «Истории» Нитхарда, «Хроники» Регинона Прюмского и «Деяний Карла Великого» Ноткера. А. И. Сидоров, отталкиваясь от существующих в науке подходов к критике исторических сочинений средневековья, при анализе каждого конкретного произведения стремится решить максимально широкий круг вопросов. Он обращается к реконструкции биографии авторов, их духовной или светской карьеры, пытается в черз нее обнаружить цели, которые преследовал каждый из них при создании своего произведения. Обращаясь к проблеме источников, А. И. Сидоров не только выполняет требования формальной критики исторического документа, но и касается такого важного для понимания авторской концепции вопроса, как интерпретация почерпнутых средневековым писателем сведений из источников, комбинирование им заимствованной информации. Наконец, А. И. Сидоров пытается представить также аудиторию каждого историка, объясняя часто именно ее особенностями их подход к изложению материала. К сожалению, на фоне решения столь многочисленных и разнообразных вопросов порой теряется сама «историческая мысль», первостепенное внимание к которой заявлено в подзаголовке монографии.

Несмотря на то что в основе композиции исследования лежит последовательное обращение к конкретным текстам от сочинения Павла Диакона до труда Ноткера, создать какую-то картину эволюционного развития каролингской историографии ученому не удалось. Получилась картина бытования этой историографии, дающая представление о различных вариантах осмысления настоящего в эпоху Каролингов. Вряд ли следует в данном случае упрекать автора монографии. Во-первых, им и не ставилась задача обнаружить какую бы то ни было эволюцию каролингской историографии. Названия же глав «У истоков Каролингского Возрождения: Павел Дьякон...», «Историк в лучах заката: Регинон Прюмский...», скорее, показывают место того или иного автора в истории культуры каролингского Ренессанса, а не эволюцию собственно историописания. Во-вторых, исследуемые в работе авторы, принадлежа к одной эпохе, слишком уж непохожи друг на друга, их отличает и степень образованности, и политическая ангажированность, и профессиональная принадлежность, наконец, они обращались к разным предметам: кого-то интересовало место новой династии в рамках священной истории, кого-то личность великого императора, кого-то поиск причин социального хаоса времен Людовика и его сыновей. В этой ситуа-

ции любая эволюционная схема была бы искусственной.

Свой экскурс в каролингскую историографию исследователь начинает обращением к Павлу Дьякону и его «Деяниям мецских епископов». Фигура этого образованнейшего лангобарда, действительно, стоит «у истоков Каролингского Возрождения». Своей «Историей лангобардов» Павел, с одной стороны, завершает отдельный этап средневековой западноевропейской историографии, связанный с интересом к прошлому варварских народов, а с другой стороны, поднимая в повествовании о лангобардах франкскую тему, закладывает первые камни в фундамент собственно каролингской идеологии. Именно с точки зрения формирования официальной каролингской идеологии А. И. Сидоров стремится разобрать небольшое сочинение Павла Дьякона о епископах Меца. Последовательно анализируя текст «Деяний», исследователь не только показывает наличие у Павла вполне определенного подхода к отбору исторического материала, но и пытается реконструировать созданную в результате такого отбора историческую картину. История мецской церкви, епископом которой в VII в. был предок Карла Великого св. Арнульф, становится не только и не столько историей епископов, но и историей самой правящей династии. Обращение к истории создания мец-

ской кафедры Клементом, учеником апостола Павла, делает прошлое и настоящее мецской церкви частью священной истории и указывает «на аутентичность христианской доктрины и культа, утвердившихся в этой civitas», что в свою очередь придавало дополнительную легитимность реформе унификации церковного служения, которая началась именно в Меце (с. 48–49). С точки зрения А. И. Сидорова, Павел Диякон создает не просто историю мецкого епископства, а «излагает историю создания особого сакрального пространства, которое и есть епископство Мец» (с. 55). Наследниками сакрального богатства, созданного деяниями мецских епископов, через св. Арнульфа становятся Каролинги, распространяющие «унаследованное сакральное пространство дальше – на все подвластные им территории» (с. 57). В итоге А. И. Сидоров приходит к выводу о том, что «Деяния мецских епископов» Павла Диякона «были призваны легитимировать положение новой династии, не так давно захватившей власть» (с. 59).

Вторая глава посвящена анализу двух биографий: «Жизни Карла Великого» Эйнхарда и «Жизни Людовика Благочестивого», составленной анонимным автором, известным также под прозвищем Астронома. Рассмотрение обеих биографий в одной главе вполне оправдано и было бы весьма плодотворным, если бы оно предпола-

гало последовательное сравнение светского (по большей части) портрета Карла и житийного образа Людовика. Однако это сравнение не становится определяющим в тексте главы, хотя и присутствует в нем, и связано это с желанием исследователя ответить в первую очередь на те вопросы, которые поставила современная наука к этим двум сочинениям.

Эйнхард – пожалуй, наиболее знаменитый или, по крайней мере, наиболее читаемый ныне автор Каролингского Возрождения. Только опубликованных переводов составленного им биографического очерка Карла на русский язык, по меньшей мере, три. «Жизнь Карла» настолько изучена в мировой науке², что обращение к ней требует от исследователя определенной смелости, готовности сказать нечто совершенно оригинальное. Неудивительно, что автор монографии строит содержание главы, посвященной Эйнхарду, на уточнении и корректировке уже существующих в историографии суждений относительно «Жизни Карла Великого» и ее создателя. Это и вопрос об авторских задачах Эйнхарда, и о его отношении к античной биографической традиции, о «светскости»

---

² Как признается сам А. И. Сидоров, чтобы оценить историографию, посвященную Эйнхарду и его труду, потребовалось бы написать отдельную монографию, и притом весьма объемную (с. 66).

портрета франкского короля. Анонимное сочинение о жизни Людовика Благочестивого на фоне популярности творения Эйнхарда известно гораздо хуже. Даже перевод его на русский язык появился сравнительно недавно³. Зарубежная историография, посвященная этой биографии, побуждает А. И. Сидорова также поднять вопрос о целях Анонима, но в гораздо большей степени сосредоточить свое внимание на работе этого средневекового автора с источниками (с. 108–121), а это довольно часто заставляет исследователя сравнивать Анонима не столько с Эйнхардом, сколько с авторами произведений, посвященных событиям времен Людовика и «войны братьев».

Тем не менее, несмотря на полученную в итоге некоторую искусственность объединения обзоров двух биографий в рамках одной главы, частные наблюдения и выводы исследователя представляются весьма интересными, достаточно оригинальными, хотя и небесспорными. Так, рассматривая причины, побудившие Эйнхарда обратиться к созданию биографии, А. И. Сидоров пытается представить взаимоотношения Карла и Эйнхарда в рамках традиционных для германцев дарообменных отношений и видит в написанном Эйнхардом панегирике своеобраз-

ный отдар Карлу, давшему в свое время Эйнхарду приют и образование (с. 75–76), хотя, если уж использовать этнологическую терминологию, то скорее всего речь должна идти в данном случае об услугообмене. При этом автор монографии слишком категорично ставит под сомнение традиционный поиск в биографии Карла дидактического начала и рассматривает как второстепенную критику франкским историком правления Людовика (с. 76). На самом деле, традиционные точки зрения на авторские цели Эйнхарда не вступают в противоречие с позицией А. И. Сидорова, желание средневекового биографа оставить память о патроне и тем самым отблагодарить его не лишают его возможности высказать свое отношение к настоящему и создать *exemplum* для будущих королей. Признание же Эйнхардом того факта, что «люди нынешнего времени вряд ли сумеют повторить деяния величайшего правителя минувшей эпохи» (с. 76), не более чем риторическая формула, отражающая характерное для античности и средневековья противопоставление настоящего древности, формула, которая еще ни одному историку не помешала наставлять своим произведением современников. В этом смысле вряд ли уместно жесткое противопоставление авторских задач Эйнхарда и Астронома, который «прежде всего думал о наставлении и предос-

³ *Аноним. Жизнь императора Людовика // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 37–94.*

тережении своих читателей, т. е. ставил перед собой широкие дидактические задачи», наличие которых А. И. Сидоров напрямую связывает с влиянием на Астронома агиографической традиции (с. 106). Последнее утверждение также требует уточнения, поскольку античная биография, из которой, собственно, и вырастает средневековая агиография, не сводима к простой беллетристике.

Определяя свое отношение к традиционной проблеме «Эйнхард и Светоний» и отвечая на вопрос о том, почему франкский историк в качестве образца для создания биографии Карла выбрал «Жизнь двенадцати Цезарей», А. И. Сидоров пытается показать Эйнхарда не столько уникальной для ранне-средневековой литературы фигурой, сколько сыном своего времени, а *Vita Karoli* представить прежде всего как попытку написать не столько светскую биографию, сколько житие светского человека, но неудобство «классических» агиографий для изложения жизненного пути человека, не совершавшего чудес, не достигшего вершин святости, заставило Эйнхарда обратиться в поисках образца к сочинению Светония (с. 86). Это желание увидеть в Эйнхарде при всей его зависимости от римского биографа прежде всего воспитанника монастырской культуры и франка видится вполне справедливым. А. И. Сидоров, не только не отрицая влияния на Эйнхарда со

стороны Светония, но и признавая это влияние гораздо большим, нежели это кажется на первый взгляд (с. 89), показывает, насколько биографу Карла удалось представить своего героя, с одной стороны, поистине христианским правителем, заботящимся о распространении и укреплении веры, о собственном духовном совершенствовании, а с другой стороны, германским *Volkskönig* (с. 93–95). В то же время желание исследователя разделить те или иные характеристики на «типичные христианские» и «германские» наталкивается на серьезные сложности. Так, щедрость, которую Эйнхард приписывает Карлу, не обязательно характеризует франкского правителя как поборника германских традиций. Прекрасно известно, что щедрость требовалась как от римского аристократа, так и от христианина⁴, так же как и воинская доблесть – традиционное качество как античного полководца, так и германского вождя.

Значительная часть очерка о биографии Людовика, написанной Анонимом Астрономом, как уже отмечалось, занимает анализ работы Анонима с источниками

---

⁴ О необходимости проявлять щедрость, оказывать гостеприимство чужакам говорит и римлянин Цицерон в трактатах «Об обязанностях» (II.18.64) и «О законах» (I.18.48), и христианин Лактанций в «Божественных установлениях» (VI.11.9–21).

(с. 108–121). Предложенный анализ – не просто поиск «поставщиков информации» для биографа, исследователя в первую очередь интересует сознательный подбор данных для создания образа правителя. В результате скрупулезного исследования А. И. Сидоров дает довольно четкие ответы на вопрос о том, что и из каких источников заимствует Аноним, как он комбинирует полученные сведения. К сожалению, реже ставится вопрос о том, что в конечном счете дает этот «отбор» и «комбинирование» биографу, а обращение к собственно авторской концепции ограничивается тремя страницами текста, хотя именно историческая мысль, а не техника историописания должна была интересовать исследователя в первую очередь (если, конечно, верить подзаголовку монографии). Итог изучения работы Анонима с источниками приводит А. И. Сидорова к выводу о том, что в отличие от Эйнхарда Анониму не удается «нивелировать различия своих источников, письменных свидетельств, устных сообщений или личных наблюдений. Он не создает целостного текста, в котором бы не было заметно швов» (с. 121). С другой стороны, А. И. Сидоров признает если не литературное, то концептуальное единство биографии Людовика, которое выражается в создании статичного «образа идеального правителя, воина Христа» (с. 122). Но даже это единство, с точки зрения исследователя, не

абсолютно. Он признает, что не все сообщения Анонима соответствуют его концептуальным построениям, что он объясняет «манерой работы Анонима с источниками», неспособностью «нивелировать их информационные и жанровые различия». Более того, исследователь пишет, что Аноним, видимо, и не стремился этого делать, «испытывая определенный пиетет по отношению к письменным источникам» (с. 125). Подобное объяснение непоследовательности средневекового автора в проведении своей концепции кажется не вполне убедительным. По крайней мере, предложенный в монографии анализ работы Анонима с источниками, в том числе с «Анналами королевства франков», убеждает, что биографу Людовика вполне удавалось расставлять необходимые акценты, умело и смело вмешиваясь в используемый им текст источника.

В обращении к Тегану и его «Деяниям императора Людовика» также решается несколько задач. Вполне убедительным выглядит анализ языка Тегана, который свидетельствует о слабом влиянии на этого средневекового историка античной традиции и, с другой стороны, показывает ориентацию хорепископа Тегана на язык Вульгаты, сочинений отцов церкви, агиографическую литературу (с. 131–133). Сложным и, собственно, нерешенным остается вопрос о жанровой идентификации

этого произведения, которое, по мнению исследователя, нельзя отнести ни к анналам, ни к житию, ни к светской биографии, ни к королевским зеркалам. Заслуживает особого внимания попытка исследователя ответить на вопрос о том, как «Деяния» были восприняты современниками Тегана. В этой связи А. И. Сидоров обращается к анонимному продолжению работы Тегана, сохранившемуся в одной из рукописей «Деяний», и делает вывод о том, что Аноним по-своему прочитал труд о Людовике и «не понял самой сути сочинения Тегана и увидел в нем ... всего лишь анналы очередного царствования, которые можно продолжить» (с. 148). По крайней мере анонимный продолжатель не проводит главной идеи Тегана, которую реконструирует А. И. Сидоров. Задавшись целью объяснить драматические события 833–834 гг., связанные с низложением Людовика, Теган основную вину за происшедшее возлагает на тех заносчивых и дерзких епископов, которые были возведены в свой сан из низов общества. Именно эти люди, которые пренебрегают своими пастырскими обязанностями, порочность чью не скрывает даже их ученость, могли подвергнуть христианского правителя унижительному суду (с. 142). На этом фоне Теганом заметно снижается ответственность светской аристократии за происходящее (с. 143). А. И. Сидоров объясняет такую

трактовку Теганом недавних события личной неприязнью историка и даже ненавистью к архиепископу реймскому Эбо, борющемуся с институтом хорепископов, к которому принадлежал Теган (с. 143).

«История» Нитхарда принадлежит к числу наиболее известных и ярких исторических сочинений Каролингского Возрождения, и если эту культуру связывать с относительно активным обращением к античному наследию, то придется признать, что произведение Нитхарда, так же как и труд Эйнхарда, в полной мере отвечает духу этого Ренессанса. Нитхард наполняет текст своей «Историей» образами и скрытыми цитатами из римских классиков, активно использует их литературные приемы (с. 161). Насколько известно, целью обращения Нитхарда к историописанию было стремление доказать законность притязаний Карла Лысого на достойную долю отцовского наследства. Отталкиваясь от этого известного факта, А. И. Сидоров показывает, каким образом был реализован данный замысел. Последовательно рассматривая четыре книги «Историй», автор монографии особо останавливается на четвертой части, вызывающей у исследователей наибольшее количество вопросов. Написана ли она Нитхардом после его удаления от двора, и было ли это удаление? Изменилось ли отношение Нитхарда к Карлу? Пре-

красное знакомство с историографией проблемы (кстати, эту характеристику следует распространить на всю работу А. И. Сидорова) позволило исследователю предложить на фоне прочих трактовок собственное видение «особости» финальной части «Истории». Кажется вполне убедительным предложенное доказательство соответствия четвертой части «Истории» общей тональности произведения. Несмотря на победу младших братьев (в том числе и Карла) в борьбе за новый раздел наследия Карла и Людовика, угроза со стороны Лотаря, для Нитхарда – виновника всех бед, сохранялась. Именно поэтому необходимо было вскрыть в «Истории» коварство императора, которое он проявляет уже после Вердена, и открыть читателю истину (с. 171–172).

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет выполненный в главе анализ концепции Нитхарда. Вполне убедительно доказывается и показывается полярность оценок этого средневекового историка: противопоставления общей пользы частному интересу, «своих» – «чужим» формирует всю историческую картину Нитхарда (с. 180–187). Столь же интересны замечания о безразличии Нитхарда к далекому прошлому, которое никак не связано с проблемами настоящего, о понимании им истории как результата человеческой деятельности (с. 187). Наряду с этими вопросами А. И. Сидоров

обнаруживает в тексте «Истории» также «скрытую» реальность, которая «прорывается к читателю вопреки воле автора» (с. 185). В этой связи видится удачной, в частности, попытка исследователя увидеть в противостоянии Лотаря и младших братьев конфликт, восходящий к разному пониманию в эпоху Каролингов «общей пользы». Лотарь и его сторонники видели ее в единстве империи, в то время как Карл Лысый, его сторонники и Нитхард в их числе – в «братском согласии», в справедливом (т. е., по их мнению, равном) разделе отечества (с. 186). Исходя из этого, А. И. Сидоров не без оснований относит партию Карла и самого Нитхарда к сторонникам традиционной для франков форме наследования власти (с. 186).

«Хроника» Регинона Прюмского, довольно часто относимая к жанру всемирных хроник, против чего справедливо возражает А. И. Сидоров, была написана на излете Каролингского Ренессанса и отражает постепенное «умирание» каролингского мира. В целом характеризуя труд прюмского аббата, исследователь показывает наибольшую сосредоточенность хрониста на событиях прежде всего Восточно-Франкского и, отчасти, Срединного королевства, что является показателем не только роста интереса к региональной истории, но и своего рода отражением гибели *unitas imperii*. Досто-

ин внимания сделанный при характеристике источниковой базы «Хроники» вывод А. И. Сидорова о том, что Регинон был совершенно незнаком с историческими трудами собственной эпохи. Он не знает ни Эйнхарда, ни Нитхарда, ни Тегана, ни Астронома (с. 203). Исходя из этого, автор монографии развивает мысль о локальности, слабой глубине, социальной узости самого «Каролингского Возрождения» (с. 203, сн. 37). В определении «собственного лица» Регинона А. И. Сидоров останавливается на характеристике лишь той части его «Хроники», в которой излагаются события с 813 по 906 гг., игнорируя «несамостоятельные» части сочинения. В результате, к сожалению, без ответа остаются такие вопросы, как отношение хрониста к времени «расцвета» империи, видел ли он вообще этот «расцвет» времен Карла Великого. Анализируя историческую концепцию Регинона, А. И. Сидоров выявляет в «Хронике» прежде всего нравоучительное начало. Исторические события для Регинона заключают в себе прежде всего моральные уроки (иногда «от противного») современникам. Формируя с помощью этих примеров свой идеал короля, Регинон в первую очередь стремится увидеть в нем благочестивого христианина, защитника Церкви, борца с христианским миром (язычниками), заботящегося о распространении Истины (с. 215). Как видно из исследования, в от-

личии от своих предшественников, Регинон делает явный акцент на понимании истории как космического противостояния Добра и Зла. Это, казалось бы, общее для христианской культуры представление о земной драме, в действительности, далеко не всегда выражается средневековым писателем в историческом нарративе, а поэтому повышенное внимание А. И. Сидорова к анализу противостояния у Регинона «мира» и «антимира» более чем справедливо.

Монографическое исследование завершается обращением к одному из самых необычных историков эпохи Каролингов – к Ноткеру Заике и его «Деяниям Карла Великого», произведение тем более удивительного, что, по заключению, А. И. Сидорова, оно несет на себе отпечаток устной исторической традиции и эпической формы бытования исторической памяти (с. 250). Произведение Ноткера А. И. Сидоров не без оснований относит к жанру *exempla*, для которого важнейшей оказывается дидактическая сторона: каждый анекдот о Карле, Пипине Коротком, Людовике Благочестивом решает свою вполне конкретную дидактическую задачу. Именно этим обстоятельством исследователь объясняет противоречия в оценках Ноткера: делая акцент на такой добродетели, как бедность, историк прославляет скромное платье Карла, и в то же

время желание унижить спесивых греков заставляет его в другом случае с живостью описывать золотое одеяние этого императора (с. 254). Превращая исторического героя в морально-дидактический пример, Ноткер, по сути, создает совершенно особую, далекую от действительности, историческую реальность. Внимание к поучению заставляет Ноткера формулировать собственное видение идеального правителя. Ориентируясь, в принципе, на традиционные характеристики (добрый христианин, покровитель Церкви, защитник слабых, вдов и сирот, блюститель справедливости, непобедимый воин), Ноткер в то же время превращает Карла, главного героя своих «Деяний», в фигуру эпическую. Король не просто избранник и орудие Бога; по мнению исследователя, он наделяется в «Деяниях» такими характеристиками, которые поднимают Карла на уровень самого Создателя: Карл возвращает зрение ослепленному папе Льву, от его всепроникающего взгляда не может никто укрыться, он выносит определения, «подражая суду вечного Судии» и т. д. (с. 241–243). Сближая сочинение санкт-галленского монаха Ноткера с представлениями о Карле, бытовавшими в устной традиции, А. И. Сидоров почти мимоходом дает еще одну весьма любопытную характеристику культуре Каролингского Возрождения. По всей видимости, пишет он, «в последней четверти IX в. Рейн все

еще оставался своеобразной границей между достаточно прагматическим, уходящим корнями в античность, и мифо-эпическим, связанным с германским варварством, осмыслением исторической действительности (с. 250).

В целом, на наш взгляд, А. И. Сидорову вполне удалось отобразить в своем исследовании сложность, многоплановость каролингской историографии, царившую в то время вариативность в подходах к осознанию и объяснению прошлого и настоящего, к поискам идеального пути для каролингского и, в целом, христианского мира. В этом плане монография является ценнейшим вкладом в изучение культуры Каролингского Возрождения и, безусловно, будет востребована как специалистами, так и самым широким кругом читателей. В то же время, при чтении монографии складывается впечатление, что каролингская историография возникла как совершенно особое и завершенное культурное явление, в чем-то ориентированное на античную интеллектуальную традицию, в чем-то – на мифопоэтическое сознание германцев. Кажется странным, что весь философско-исторический и историографический поиск позднеримского и раннесредневекового христианства оказался абсолютно невостребованным в эпоху Каролингов. В действительности, все, или почти все особенности исторического

сознания эпохи Каролингов, которые выделяет автор в Заключении (полярность оценок событий и героев, деление мира на «своих» и «чужих», сочетание линейности и цикличности в восприятии исторического времени, ориентация на образец, на устоявшиеся текстовые модели, интерпретация истории как священного текста и т. п.), можно обнаружить в европейском историописании уже с V в. Разве задолго до Павла Диакона не включал региональную историю в широкие рамки истории священной Григорий Турский, связавший историю турского епископства, а через нее – историю галльской церкви с библейским прошлым? Теган, активно обращавшийся при изложении истории Людовика к образам ветхозаветного прошлого (с. 151), разве не использовал тот же способ аллегорического прочтения современной истории, который мы можем встретить у Беды Достопочтенного?⁵ Разве не истории и биографы раннего средневековья выработали достаточно устойчивый набор характеристик добродетельного короля, видя в нем и благочестивого христианина, покровителя Церкви, и народного вождя, и римского цезаря? Таким образом, интеллектуальное про-

---

⁵ См., напр., его рассказ о борьбе Этельфрида и Эдвина, «современных» Саула и Давида (История и память. Гл. 5. Образы прошлого у раннесредневековых христианских историков. С. 232–233).

странство, в котором возникла, оформилась и развивалась каролингская историческая мысль, может оказаться гораздо шире, нежели это видится на первый взгляд.

В. М. Тюленев

Грицкевич В. П. ИСТОРИЯ ТУРИЗМА В ДРЕВНОСТИ. СПб.: ИД «Герда», 2005.

Валентин Петрович Грицкевич – учёный с необычайно широким кругом научных интересов – особенно активно занимается разработкой проблем, связанных с историей музейного дела и музееведения, а также с историей географических знаний и туризма. Им написано большое количество исследовательских работ в рамках обозначенной тематики, которые, без всякого сомнения, заслуживают самого пристального внимания как со стороны специалистов, так и со стороны увлечённых данной проблематикой читателей. Монография «История туризма в древности», вышедшая в «Издательском доме Герда» (Санкт-Петербург) в 2005 году, – не исключение. Особенно ценным в данной работе является то, что по масштабу, полноте и широте охвата материала как в хронологическом, так и в географическом аспектах она не имеет аналогов в